

Восприятие, логика и множественность рациональных репрезентаций мира*

И.Ф. Михайлов

Институт философии РАН, Москва, Россия

Оригинальная исследовательская статья

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-37-53

Аннотация

В статье затрагиваются такие темы, как возможность понимания восприятия в качестве многоуровневой обработки информации, методологическая роль понятия репрезентации и соотношение нейродинамических структур и субъективного опыта. Объектом критического рассмотрения стали философские презумпции, лежащие в основе разнообразных концепций «локальной рациональности» – убеждения, что крупные этнокультуры основываются на собственной рациональности и собственной логике или порождают их. Последовательно рассматриваются утверждения, что мышление основано на имманентных правилах рациональности, что экстрактом рациональности является логика и что типы рациональности географически совпадают с крупными этнокультурными общностями. Приводятся эмпирические аргументы, демонстрирующие сомнительность, если не ложность, первых двух тезисов. В частности, показывается, что, во-первых, подлинная рациональность мышления заключается не в следовании имманентным ему правилам, а в направленности мыслительных и шире – когнитивных – операций на оптимизацию каких-либо показателей когнитивной или моторной системы, важных для выживания и адаптации. Кроме того, эта рациональность многовариантна, и выбор между вариантами часто слабо детерминирован или вообще случаен. Таким образом, первое утверждение оказывается опровергнутым. Во-вторых, на материале известных экспериментов показано, что большинство людей не следует явно декларируемым логическим правилам в решении даже логических или математических задач, и тем не менее есть основания считать их поведение рациональным. Третий тезис, как показывается на очень ограниченном эмпирическом материале, находит частичное подтверждение. Тем не менее, демонстрация сомнительности первых двух тезисов делает вывод о разных логиках у разных народов недостаточно обоснованным.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00316 А «Когнитивные основания социальности».

Ключевые слова: восприятие, информация, репрезентация, нейросеть, рациональность, логика, этнокультура.

Михайлов Игорь Феликсович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора методологии междисциплинарных исследований человека, Институт философии РАН.

ifmikhailov@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0001-8511-8849>

Цитирование: Михайлов И.Ф. (2019) Восприятие, логика и множественность рациональных репрезентаций мира // Философские науки. 2019. Т. 62. № 7. С. 37–53. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-37-53

Perception, Logic and Plurality of Rational Representations of the World*

I.F. Mikhailov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-37-53

Original research paper

Abstract

The article covers such issues as the relevance of the theory of perception as a multi-level information processing, the methodological role of the concept of representation and the relation of neurodynamic structures to subjective experience. The author critically reviews the philosophical presumptions underlying the various concepts of “local rationality,” the core of which is constituted by the belief that large ethnic cultures generate or are based on their own rationality and their own logic. Three statements are successively considered: (a) thinking is based on the inherent rules of rationality, (b) logic is an extract of rationality, and (c) types of rationality are geographically consistent with large ethnocultural communities. Empirical arguments are presented that demonstrate equivocality (if not falsity) of the first two theses. In particular, firstly, it is shown that the genuine rationality of thinking lies not in following the rules that are immanent to it, but in the development of thinking and, more broadly, cognitive operations towards optimization of certain indicators of the cognitive or motor system that are important for survival and adaptation. In addition, this rationality is multivariate, and the choice between variants is often weakly determined or

* The research is supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within the framework of the scientific project no. 18-011-00316 A “Cognitive Foundations of Sociality.”

even random. Thus, the first statement turns out to be refuted. Secondly, by reference to the well-known experiments, it is shown that most people do not explicitly follow some declared logical rules in solving even logical or mathematical problems, and yet there is reason to consider their behavior rational. The third thesis, as shown with some limited empirical material, appears to be partially confirmed. Nevertheless, the demonstration of the doubtfulness of the first two theses makes the conclusion that different nations have different logics insufficiently substantiated.

Keywords: perception, information, representation, neural network, rationality, logic, ethnic cultures.

Igor F. Mikhailov – Ph.D. in Philosophy, Senior Research Fellow at the Department of Methodology of the Interdisciplinary Study of Man, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

ifmikhailov@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0001-8511-8849>

For citation: Mikhailov I.F. (2019) Perception, Logic and Plurality of Rational Representations of the World. *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 7, pp. 37–53.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-37-53

Введение

В эпоху политкорректности и комплекса вины бывших колонизаторов все большее распространение в мире получают представления об эпистемической равноценности культур различных этнических сообществ перед лицом ныне доминирующей американско-западноевропейской культуры. Вряд ли можно серьезно говорить о наличии «другой науки» в культурах, не создавших собственного научного фундамента. Но отсутствие философии или логики в привычном смысле слов значительно легче можно интерпретировать как обладание «другой» философией или логикой, с правами которых на свой особый путь необходимо считаться. С разной степенью убежденности об этом пишут и российские авторы (см., например: [Герасимова 2016; Карелова 2018; Смирнов 2019]).

Данная статья не преследует цель какой-либо содержательной оценки подобных взглядов. Я лишь хочу обратить внимание на тот факт, что, как правило, авторы делают заключения о наличии «иного мышления» у незападных этнокультур, основываясь на лингвистических или социологических фактах в их наиболее абстрактной интерпретации, указывая на особенности грамматиче-

ского строя языков или организации общественной жизни. Иначе говоря, обосновывают свои выводы средствами исключительно философского рассуждения там, где возможно научное исследование со строгой опорой на эмпирические и экспериментальные методы. На ограниченном числе примеров я надеюсь показать, что поспешность философии не показана там и тогда, где и когда наука способна продемонстрировать свою обстоятельность.

Теории, выводящие наличие особых форм мышления у иных этнокультур, как правило, опираются на следующие философские презумпции:

1. Мышление явно или неявно подчиняется неким имманентным (1) правилам рациональности.
2. Ядром или экстрактом рациональности является (та или иная) логика.
3. Типы рациональности географически совпадают с большими этнокультурными общностями.

Нетрудно заметить, что эти положения складываются в некий вполне определенный силлогизм, выводом которого можно считать следующее положение:

4. Следовательно, большие этнокультурные общности используют разные логики.

Если принять эту концепцию, то складывается некая пространственная структура, которую я назвал бы «айсбергом локальной рациональности».

В основании этого айсберга, скрытым под толщей арктической воды, находится то, что можно назвать «когнитивными интуициями» (термин А.В. Смирнова [Смирнов 2019]). Это дорациональные

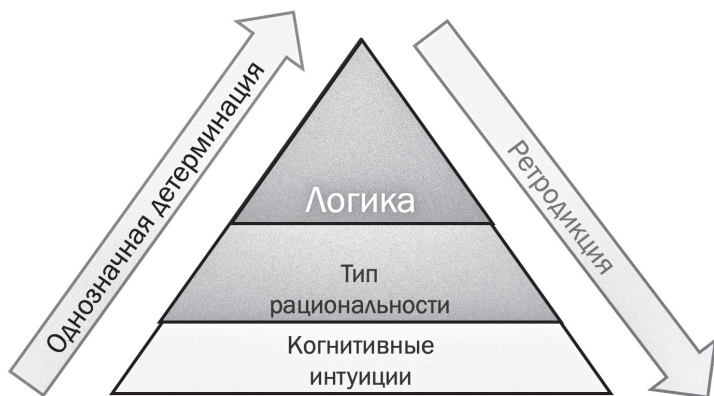

Рис. 1. Айсберг локальной рациональности

предрасположенности сознания. Когнитивные интуиции, согласно этой концепции, вполне однозначно детерминируют «тип рациональности» – имплицитные или эксплицитные правила рассуждения и принятия решений в данной локальной культуре. Венчает эту конструкцию «логика» – явно сформулированные в данной культуре правила мышления. Если снизу-вверх между этими элементами имеется отношение однозначной детерминации – когнитивные интуиции однозначно определяют тип рациональности, а тот, в свою очередь, диктует определенную логику, – то сверху вниз их пронизывает возможность ретродикции, т.е. возможность восстановления и экспликации типа рациональности культуры по заявленной в ней логике и возможность реконструкции ее когнитивных интуиций по идентифицированному типу рациональности.

Для того чтобы оценить заявку подобных концепций на истинность, попробуем разобраться последовательно с каждой из посылок силлогизма.

Мыслим ли мы рационально?

То, какие когнитивные устройства мы, люди, собой представляем, и как эти устройства работают, поможет понять научно-фантастическая притча, рассказанная в статье [O'Regan, Noë 2001] (цит. по: [Логинов, Спиридонов 2017]). Представим себе, что команда океанографов снарядила батискаф, автоматически управляемый с плавучего судна, для исследования затонувшего «Титаника». Однако в «Титанике» поселилось злобное и очень умное морское чудовище, которое сразу же переподключило кабели, идущие от батискафа к пульту управления, таким образом, что акустические сигналы стали подаваться на видеомониторы, и наоборот. Ученые сидят в растерянности перед ставшими бессмысленными показаниями приборов, и все, что им остается, – это искать регулярности в непонятных мерцаниях и шипениях, сравнивать их между собой и предлагать правдоподобные гипотезы, объясняющие эти регулярности.

То, что чувства нас обманывают, открыли еще древнегреческие философы, предложив Логос в качестве панацеи или альтернативного способа созерцания истины. Дальнейшая история философии, в анамнезе которой столько различных картин мира, сколько философов, показала, что разум нас обманывает тоже. Поэтому анализ и сопоставление потоков ненадежной информации (эмпи-

рического и рационального) с целью выявления закономерностей и порождения правдоподобных гипотез есть *modus operandi* как отдельного индивида, так и науки в целом.

Как показывают современные исследования по поведенческой экономике и восприятию, проблемы рациональности встают уже на уровне перцепции. Как считают Теппо Фелин с соавторами, «аргументы о восприятии непреднамеренно вплетаются в литературу о рациональности через использование визуальных иллюзий, метафор и задач в качестве примеров предвзятости, ограниченности и слепоты» [Felin et al. 2017, 1056]. Когнитивная наука как бы заново открывает аргументы Парменида против «мира во мнении». И если в исследованиях по поведенческой экономике молча предполагается, что есть некая единственная объективная реальность и некая единственная соответствующая ей рациональность, а иллюзии и предвзятости восприятия и суждения трактуются как девиации, то более, на мой взгляд, философски корректный подход подсказывает нам, что ни у одного из имеющихся у нас «окон в мир» нет эпистемических привилегий. И поэтому в условиях недостатка информации мы выбираем одну из возможных рациональных интерпретаций реальности в надежде, что именно она позволит нам выжить и адаптироваться.

Как представляется, Фелин с соавторами претендует на своего рода кантианско-коперникианский переворот в науке: «То, что мы отстаиваем, — это принципиально иной взгляд на когницию. Осознание и восприятие — это, скорее, функция воспринимающего (а не воспринимаемых данных. — И. М.), вопросов, проб и теорий, которые любой из нас навязывает даже самым простым визуальным сценам или окружению, или же реальности в целом» [Felin et al. 2017, 1054]. Так, авторы обсуждают широко известный эксперимент с «невидимой гориллой» [Simons, Chabris 1999]. В кадре — две команды, игроки которых одеты, соответственно, в белые и черные майки. Они параллельно передают волейбольные мячи, каждый — игрокам своей команды. Испытуемым — зрителям — дается задание посчитать, сколько раз передают мяч игроки в белых майках. Поскольку задание несложное, практически все дают правильный ответ. Однако только половина испытуемых замечает, что посреди игры на поле выходит человек, переодетый в гориллу, бьет по-обезьяньи себя в грудь и покидает кадр. И никто из испытуемых не обращает внимания на то, что в этот же момент один из игроков в черной майке покидает игру, а занавес на фоне

меняет цвет с красного на золотистый (см. видеореконструкцию эксперимента: [Simons 2010]).

С точки зрения более традиционного «реалистического» подхода, этот эффект говорит о некоей неполноценности нашего восприятия, неспособного отразить подлинную реальность. Однако, как справедливо указывают авторы цитируемой статьи, «подлинная» реальность состоит из потенциально бесконечного числа свойств и отношений (цвет волос и расовый состав игроков, скорость их движения, буквы на занавесе и т.д.), которые в сумме так или иначе недоступны никакому восприятию, кроме божественного (а в последнем случае можно ли вообще говорить о «восприятии»?). Поэтому направленность и ограниченность реального восприятия реальных людей суть проявления его рациональности, а не наоборот, – рациональности, которая может реализовываться во множестве вариантов.

Рис. 2. Иллюзия Понцо

Рис. 3. Иллюзия Эббингауза

С этой же – «кантианско-когнитивной» (2) – точки зрения можно рассмотреть и иные известные в науке визуальные иллюзии. Так, иллюзия Понцо (рис. 2), как и иллюзия Эббингауза (рис. 3), демонстрирует «ложное» восприятие сравнительных размеров идентичных фигур, помещенных в переменный контекст.

Однако ложным это восприятие оказывается, если у нас есть альтернативный доступ к реальности, или альтернативный способ ее репрезентации (например, линейка). В культуре, где линейка является центром важной практики, более рациональным выглядит решение скорректировать с ее помощью представление о размерах фигур – и то только в том случае, если возникнет прагматически оправданное подозрение. Кроме того, по крайней мере в случае с иллюзией Понцо, «ложной» они оказываются только постольку, поскольку фигуры наложены на изображение, а не находятся в изображаемой реальности. Если бы это были не белые отрезки, а забытые на рельсах или потерянные кем-то деревянные брусья,

у нас и сомнений не возникло бы в разнице их размеров. И такая репрезентация была бы, несомненно, рациональной.

Из этого можно заключить, что наше перспективное видение – когда дальние предметы кажутся меньше – представляет собой эволюционно сформировавшуюся экономную, а следовательно, рациональную, форму визуальной репрезентации сложных пространственных отношений, достаточную для нашей ориентации и адаптации. Да, «обмануть ее несложно», но именно потому что природа методом отбора вырабатывает наиболее экономные и энергетически эффективные способы представления данных, нужные для статистически достаточного выживания особей данного вида.

Для нашей темы принципиальную важность представляют комментарии, данные в руководстве по кросс-культурной психологии [Shirayev, Levy 2016, 205–206]. Согласно данным кросс-культурных исследований, наиболее подвержены иллюзиям типа иллюзии Понцо представители «западной» культуры и жители больших городов, в отличие от обитателей «третьего мира» и сельской местности. Авторы приводят ряд гипотез, объясняющих эту разницу, которые все так или иначе сводятся к эмпирическому научению. Однако в последнем по времени переиздании этой книжки появилась ссылка на работу индийских врачей, которые нашли хирургический способ восстановить зрение у слепых от рождения детей. На удивление, излеченные дети, которым практически сразу же предъявлялась картинка Понцо, и у которых не было времени на культурное научение, регулярно находили верхний отрезок большим. Авторы указывают, что общепринятого объяснения этих новых данных пока нет.

На мой взгляд, некоторый свет на возможные универсальные объяснения визуальных иллюзий может пролить замечание Дэвида Марра, классика вычислительной нейронауки, высказанное им в его основополагающей книге «Vision» по поводу, пожалуй, самой старой и известной из визуальных иллюзий – куба Неккера (рис. 4). Это изображение характерно тем, что зритель может свободно «переключаться» между двумя возможными аспектами: в одном из них ближняя к зрителю грань видится как расположенная ниже, а в другом – как расположенная выше дальней. С иллюзией Понцо его роднит то, что обе иллюзии возникают при

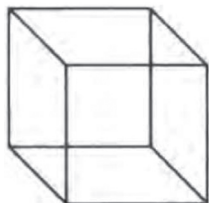

Рис. 4. Куб Неккера

двухмерной проекции трехмерной картины. Соответственно, можно предположить, что это как-то связано с особенностями обработки объемных изображений соответствующими нашими процессинговыми центрами. Марр предположил, что «часть объяснения его (куба. – *И. М.*) перцептивного изменения должна быть связана с бистабильной нейронной сетью (то есть с двумя отчетливыми стабильными состояниями) где-то внутри мозга...» [Marr 2010, 26]. Иными словами, архитектура многочисленных взаимосвязанных и соподчиненных нейронных сетей, образующих мозг, предполагает наличие многих одинаково стабильных состояний, в которых эти сети могут зафиксироваться, получив данные определенного рода. Получение дополнительных данных может переместить репрезентацию из одного стабильного состояния в другое, меняя, например, видимый аспект образа. Но система в целом настроена на работу в условиях недостаточных данных, когда одно из возможных и, в принципе, одинаково рациональных стабильных состояний выбирается случайно, или вероятность того или иного выбора подкреплена научением, обусловленным предшествующим опытом, культурным контекстом или физиологическими особенностями. С такой интерпретацией согласны Фелин и его соавторы, полагая, что «восприимчивость человека к праймингу и чувствительность к более заметным сигналам не являются очевидными доказательствами иррациональности, а скорее свидетельствуют об этой (когнитивной. – *И. М.*) мультистабильности. Независимо от того, имеем ли мы дело с восприятием или рассуждением, в недостаточно информативных и неоднозначных ситуациях люди используют любые имеющиеся свидетельства или сигналы... для вынесения суждений» [Felin et al. 2017, 1055].

Таким образом, сравнивая психологические данные и предложенные психологические и нейрофизиологические интерпретации, мы можем с определенной вероятностью заключить, что устройство когнитивного аппарата мультистабильно и, следовательно, создает возможность множественных «рациональных» восприятий и суждений. Никто не предопределен фатально к определенному перцептивному стилю и определенным визуальным решениям в условиях неоднозначности данных, хотя некоторое влияние могут оказывать прошлый опыт или культурный контекст, повышая вероятность выбора тех или иных форм репрезентаций по сравнению с другими. Но главный вывод

состоит в том, что рациональность выбора восприятий, мыслей или решений принципиально вариативна и относительна.

Логично ли мышление?

Весьма распространенное и многими некритически принимаемое убеждение состоит в том, что логика является имманентной формой мышления и одновременно его описательной (а не нормативной) теорией, поскольку, мысля, мы следуем тем или иным непреложным правилам. А если таковые правила разнятся, то, следовательно, мы имеем дело с разными логиками. Чтобы уверенно утверждать это, необходимо показать, что реальное мышление людей подчиняется декларируемым в данной культуре логическим правилам.

Однако обратимся к известным экспериментам. В эксперименте Уэйсона 1968 г. испытуемым предлагался набор карт, на одной стороне которых были нанесены буквы, на другой – цифры. Было также сформулировано правило: если на одной стороне карты гласная буква, то на другой непременно будет четная цифра. Испытуемым предлагались четыре лежащие карты, на «верхних» сторонах которых имелись символы, соответственно: А, К, 2, 7. В качестве задания нужно было ответить на вопрос: какие карты нужно перевернуть, чтобы убедиться в том, что правило выполняется. Согласно логическим правилам *modus ponens* и *modus tollens*, перевернуть нужно карты «А» и «7». Однако распределение реальных ответов реальных испытуемых выглядело следующим образом: «А» – 89%, «К» – 16%, «2» – 62%, «7» – 25%. Очевидно, что люди в массе своей руководствовались не декларируемыми в их культуре правилами логики, а какими-то другими соображениями (описание эксперимента взято из [Schooler 2001, 12771]).

В эксперименте Гигеренцера испытуемым предлагалось следующее условие: предположим, что у 0,3% людей есть рак толстой кишки. Вероятность того, что тест на рак толстой кишки обнаружит заболевание, составляет 50%, а вероятность, что он ошибочно покажет рак у здорового человека, составляет 3%. Вопрос: какова вероятность того, что у человека с положительным тестом рак? Согласно правилу Байеса, правильный ответ – 4,8%. Гигеренцер – обратите внимание – опрашивал профессиональных медиков, которых трудно заподозрить в недостатке релевантного опыта и научения. И тем не менее, медианный ответ опрошен-

ных – 47%, почти в 10 раз больше математически правильного [Gigerenzer 1998, 17].

Эти эксперименты спровоцировали интенсивное обсуждение в литературе и породили некоторое количество объяснительных гипотез (см.: [Schooler 2001, 12772–12775]). Так, Л. Шулер, автор обзорной статьи, считает, что «выполнение карточных заданий у Уэйсона (1968), статистического задания Гигеренцера (1998) и другие эксперименты демонстрируют, что люди на самом деле иррациональны по сравнению с принятыми (в их культурах. – *И. М.*) стандартами логического вывода» [Schooler 2001, 12772]. Тверски и Канеман считают, что в этих экспериментах люди переносят эвристические и эмпирические правила, успешные в повседневной жизни, в лабораторные условия, где они неприменимы. В этих интерпретациях проглядывает убеждение, что всякое отклонение от единственно возможной рациональности является иррациональным, – убеждение, с которым полемизируют Фелин и соавторы.

Напротив, Джон Андерсон, классик когнитивной науки в ее классическом – символическом – воплощении, полагает, что критический шаг в том, что можно было бы назвать «рациональным анализом», состоит в том, чтобы выяснить, какой показатель может оптимизировать когнитивная система, и на основе этого делать прогнозы о том, как люди будут вести себя в конкретных экспериментальных задачах [Anderson 1990, 28]. Как бы конкретизируя эту мысль, Оуксфорд и Чейтер подчеркивают, что люди не рассматривают задачу как логический тест, а скорее пытаются установить причинно-следственную связь между двумя событиями [Oaksford, Chater 1996]. Не имея соответствующего опыта в отношении карточек, люди интерпретируют объявленное Уэйсоном правило как причинно-следственную связь, подобную тем, которые они видели в прошлом. В задаче Уэйсона, по их мнению, мы имеем ситуацию, в которой поведение нерационально по отношению к законам дедукции, но может быть понято как рациональное в контексте того, как люди обычно ищут информацию.

Я бы отметил то важное для понимания природы рациональности обстоятельство, что причинно-следственная связь является ассоциативной, а не логической. Как считают Бендер и Беллер, «в текущих исследованиях все еще обсуждается «модифицированная версия (концепции Леви-Брюля. – *И. М.*), согласно которой два способа мышления все же различаются – иногда их назы-

вают “основанное на правилах” в отличие от “ассоциативного”, “рефлексивное” в отличие от “интуитивного”, или “абстрактное” в отличие от “контент-специфичного” – хотя и *существуют они, как предполагается, во всех культурах* (курсив мой. – И. М.)» [Bender, Beller 2011, 2].

И достаточно важное уточнение было сделано самим Гигеренцером. Если испытуемым медикам та же задача предлагалась не в процентно-статистических, а в простых арифметических терминах (30 из каждых 10000 человек имеют рак толстой кишки; из этих 30 – у 15 тесты будут положительными; из оставшихся 9970 человек без рака будет положительный результат, тем не менее, у 300), то 67% испытуемых отвечали правильно, по сравнению с 4% в том эксперименте, когда данные были представлены по правилам теории вероятности. Из этого факта можно сделать вывод, что успешность решения задачи зависит не только от содержания и сложности данных, но и от соответствия формы ее репрезентации повседневной практике людей в поиске информации [Gigerenzer 1998, 17].

Как я полагаю, дискуссии, представленные в этом разделе, делают вполне обоснованным следующее обобщение. Изначально мы – люди – как и другие животные, не логические машины, а ассоциативно-статистические, поскольку имеем «на борту» не серийный, а параллельный (нейросетевой) компьютер. Следовать дедуктивным правилам нас принуждают наука, юриспруденция и другие социальные институты, осуществляющие и регулирующие социальные вычисления. Логика, будучи важным порождением этих институтов, тем не менее, очень мало знает о реальном человеческом мышлении.

Мыслят ли этнокультуры по-разному?

Итак, нам осталось выяснить, есть ли основания говорить об устойчивых типах рациональности, распространенных на значительных культурных или этнокультурных пространствах, которые определялись бы устойчиво регистрируемыми когнитивными интуициями, общими целым народам и даже «цивилизациям». По этой теме есть много исследований, проводившихся в различных частях света с различными целями и на основе различных методологических подходов. Как правило, такие сравнительные исследования организуются на территориях компактного совместного проживания представителей разных этнокультур. В рамках небольшой дискуссионной статьи представить полноценный обзор

этих материалов невозможно. Некоторые – правда, фрагментарные и лапидарные – сведения можно почерпнуть из неоднократно переиздававшейся книги Шираева и Леви [Shiraev, Levi 2016]. Я же ограничусь примером исследования казахской молодежи на предмет распределения перцептивных и мыслительных стилей, описанного в [Zhumagaliyeva, Barabanova 2014].

Авторы исследования работали с молодыми людьми, разделенными на три группы: казахи с родным казахским языком (KZKZ), казахи с родным русским (KZRU) и русские (RU). Внутри каждая группа разделялась еще и по половому признаку. В качестве основного показателя для измерения перцептивного стиля была выбрана полезависимость, стандартно определяемая как «доминирование целого, недостаточное дифференцирование частей в образе восприятия, неспособность преодолевать контекст, необособленность отдельных раздражителей от фона», тогда как ее противоположность – полenezависимость – понимается как «способность сопротивляться влиянию конфликтующих фоновых признаков при восприятии зрительных форм и связей, способность воспринимать целое, вычленять стимулы из контекста» [Кондрашихина 2009, 48]. По мнению самих исследователей, полученные данные «не позволяют говорить о каких-либо существенных закономерностях влияния этнических и языковых особенностей на когнитивный стиль личности и наоборот» [Zhumagaliyeva, Barabanova 2014, 767].

Несколько иная картина наблюдается при распределении той же выборки по стилям мышления. Были идентифицированы следующие типы: аналитики, синтетики, идеалисты, реалисты, прагматики. В группе казахоязычной молодежи среди юношей встречаются только аналитики и синтетики, которые распределены примерно поровну. В группе казахоязычных девушек отсутствуют только реалисты. Представители прочих типов также распределены примерно поровну. В группах KZRU и RU половина юношей – аналитики, оставшиеся – или идеалисты и реалисты поровну (KZRU), или только реалисты (RU). Девушки в обеих русскоязычных группах распределены более или менее равномерно, за исключением того, что в KZRU не зарегистрированы девушки-прагматики, а в RU – синтетики. Авторы исследования заключают, что выборочное сравнение без разделения по полу «говорит о том, что группы KZRU и RU более похожи друг на друга, чем с группой KZKZ» [Zhumagaliyeva, Barabanova 2014, 768].

Конечно, этих скромных данных недостаточно для того, чтобы сделать вывод о том, влияет или нет характер или грамматические особенности родного языка на когнитивные стили его носителей. Но они показывают, что в некоторых случаях слабая корреляция существует, а следовательно, такое влияние возможно. Опыт других когнитивных исследований склоняет к признанию влияния языка и социальных институтов на стиль и характер когний индивида. Как считают уже цитируемые авторы, «человеческое взаимодействие в социальных, институциональных и организационных условиях, вероятно, в значительной степени определяет, как “агрегирует” рациональность. Это, скорее всего, намного сложнее, чем простое линейное сложение, учитывая сложные, эмерджентные результаты» [Felin et al. 2017, 1055].

Таким образом, относительная зависимость мыслительных стилей этнических групп от языковой принадлежности на фоне почти полной тождественности их перцептивных стилей позволяет предположить детерминирующую роль языка в формировании когнитивных портретов этнокультур.

Заключение

Мы начали с философских презумпций, лежащих в основе концепции устойчивых типов рациональности, содержательно и географически совпадающих с когнитивными стилями этнокультурных сообществ. Три из этих презумпций образуют посылки силлогизма, четвертая следует из них как вывод. В результате краткого обзора эмпирических данных мы обнаружили, что, во-первых, подлинная рациональность мышления заключается не в следовании имманентным ему правилам, а в направленности мыслительных и шире – когнитивных – операций на оптимизацию каких-либо показателей когнитивной или моторной системы, важных для выживания и адаптации. Кроме того, эта рациональность многовариантна, и выбор между вариантами часто слабо детерминирован или вообще случаен. Таким образом, первая посылка силлогизма опровергнута.

Во-вторых, известные и обсуждаемые в литературе эксперименты показывают, что большинство людей не следует явно декларируемым логическим правилам в решении даже логических или математических задач, и тем не менее их поведение можно считать рациональным, учитывая привычные им и малозатратные способы поиска информации и установления

причинно-следственных связей. Вторая посылка силлогизма также опровергнута.

Третья посылка, напротив, нашла частичное подтверждение. Есть основания считать, что когнитивные стили больших групп людей детерминируются такими их этнокультурными особенностями, как родной язык.

Но, тем не менее, поскольку следствие силлогизма может полагаться несомненно истинным только при условии истинности всех его посылок, мы должны констатировать, что у нас нет достаточных оснований считать, что разные этнокультурные общности используют разные логики в своем мышлении.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Под имманентными правилами я в данном случае понимаю правила, явленные самому мышлению. Т.е., такие правила, в которых само мышление может дать себе отчет.

(2) Надо, впрочем, отметить, что имя Канта может употребляться здесь в значительной мере условно, поскольку описанная им априорная структура трансцендентального субъекта допускает не слишком много вариантов репрезентаций.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Герасимова 2016 – *Герасимова И.А.* Конструктивизм как логический стиль и проблема китайской логики // *Философский журнал*. 2016. Т. 9. № 4. С. 128–146. DOI: 10.21146/2072-0726-2016-9-4-128-146

Карелова 2018 – *Карелова Л.Б.* Логическая концепция Нисиды Кита-ро как отражение типа рациональности японского языка и культуры // *Философские науки*. 2018. № 7. С. 59–70. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-59-70

Кондрашихина 2009 – *Кондрашихина О.А.* Дифференциальная психология: Учеб. пос. – Киев: Центр учебной литературы, 2009.

Логинов, Спиридонов 2017 – *Логинов Н.И., Спиридонов В.Ф.* Воплощенное познание как современный тренд развития когнитивной психологии // *Вестник СПбГУ. Психология и педагогика*. 2017. Т. 7. № 1. С. 25–42.

Смирнов 2019 – *Смирнов А.В.* Процессуальная логика и ее обоснование // *Вопросы философии*. 2019. № 2. С. 5–17.

Anderson 1990 – *Anderson J.R.* The Adaptive Character of Thought. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1990.

Bender, Beller 2011 – *Bender A., Beller S.* The Cultural Constitution of Cognition: Taking the Anthropological Perspective // *Frontiers in Psychology*. 2011. Vol. 2. Article 67. DOI: 10.3389/fpsyg.2011.00067

Gigerenzer 1998 – *Gigerenzer G.* Ecological Intelligence: An Adaptation for Frequencies // *The Evolution of Mind* / ed. by D.D. Cummin & C. Allen. – New York: Oxford University Press, 1998. P. 9–29.

Felin et al. 2017 – *Felin T., Koenderink J., Krueger J.I.* Rationality, Perception, and the All-Seeing Eye // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2017. Vol. 24. No. 4. P. 1040–1059. DOI: 10.3758/s13423-016-1198-z

Kahneman 2003 – *Kahneman D.* Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics // *American Economic Review*. 2003. Vol. 93. No. 5. P. 1449–1475.

Marr 2010 – *Marr D.* Vision: A Computational Investigation into the Human Representation and Processing of Visual Information. – Cambridge: MIT Press, 2010.

O'Regan, Noë 2001 – *O'Regan J.K., Noë A.* A Sensorimotor Account of Vision and Visual Consciousness // *Behavioral and Brain Sciences*. 2001. Vol. 24. No. 5. P. 939–973.

Oaksford, Chater 1996 – *Oaksford M., Chater N.* Rational Explanation of the Selection Task // *Psychological Review*. 1996. Vol. 103. No. 2. P. 381–391.

Schooler 2001 – *Schooler L.* Rational Theory of Cognition in Psychology // *International Encyclopedia of Social & Behavioral Sciences*. – Oxford: Pergamon, 2001. P. 12771–12775.

Shiraev, Levy 2016 – *Shiraev E.B., Levy D.A.* Cross-Cultural Psychology: Critical Thinking and Contemporary Applications (6th ed.). – New York: Routledge, 2016.

Simons 2010 – *Simons D.J.* The Monkey Business Illusion // Youtube. – URL: https://youtu.be/IGQmdoK_ZfY

Simons, Chabris 1999 – *Simons D.J., Chabris C.F.* Gorilla in Our Midst: Sustained Inattentional Blindness for Dynamic Events // *Perception*. 1999. Vol. 28. No. 9. P. 1059–1074.

Zhumagaliyeva, Barabanova 2014 – *Zhumagaliyeva B., Barabanova E.* The Culture and Ethnicity Influence on The Manifestation of Human Cognitive Styles // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 159. P. 765 – 769.

REFERENCES

Anderson J.R. (1990) *The Adaptive Character of Thought*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

Bender A. & Beller S. (2011) The Cultural Constitution of Cognition: Taking the Anthropological Perspective. *Frontiers in Psychology*. Vol. 2, article 67. DOI: 10.3389/fpsyg.2011.00067

Felin T., Koenderink J., & Krueger J.I. (2017) Rationality, Perception, and the All-Seeing Eye. *Psychonomic Bulletin & Review*. Vol. 24, no. 4, pp. 1040–1059. DOI: 10.3758/s13423-016-1198-z

Gerasimova I.A. (2016) Constructivism as a Logical Style and a Problem of the Chinese Logic. *The Philosophy Journal*. Vol. 9, no 4, pp. 128–146. DOI: 10.21146/2072-0726-2016-9-4-128-146 (in Russian).

Gigerenzer G. (1998). Ecological Intelligence: An Adaptation for Frequencies. In: Cummin D.D. & Allen C. (Eds.) *The Evolution of Mind* (pp. 9-29). New York: Oxford University Press.

Kahneman D. (2003) Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics. *American Economic Review*. Vol. 93, no. 5, pp. 1449–1475.

Karelova L.B. (2018) Nishida Kitaro's Logical Theory as a Reflection of the Rationality of Japanese Language and Culture. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 7, pp. 59–70. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-59-70 (in Russian).

Kondrashikhina O. A. (2009) *Differential Psychology: A Textbook*. Kyiv: Tsentr uchebnoy literatury (in Russian).

Loginov N.I. & Spiridonov V.F. (2017) Embodied Cognition as a Current Trend in Cognitive Psychology. *Vestnik SPbSU. Psychology and Education*. Vol. 7, no. 1, pp. 25–42 (in Russian).

Marr D. (2010) *Vision: A Computational Investigation into the Human Representation and Processing of Visual Information*. Cambridge: MIT Press.

O'Regan J.K. & Noë A. (2001) A Sensorimotor Account of Vision and Visual Consciousness. *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 24, no. 5, pp. 939–973.

Oaksford M. & Chater N. (1996) Rational Explanation of the Selection Task. *Psychological Review*. Vol. 103, no. 2, pp. 381–391.

Schooler L. (2001) Rational Theory of Cognition in Psychology. In: *International Encyclopedia of Social & Behavioral Sciences* (pp. 12771–12775). Oxford: Pergamon.

Shirayev E.B. & Levy D.A. (2016) *Cross-Cultural Psychology: Critical Thinking and Contemporary Applications* (6th ed.). New York: Routledge.

Simons D.J. & Chabris C.F. (1999) Gorilla in Our Midst: Sustained Inattentional Blindness for Dynamic Events. *Perception*. Vol. 28, no. 9, pp. 1059–1074.

Smirnov A.V. (2019) Processual Logic and Its Grounding. *Voprosy filosofii*. 2019. No 2, pp. 5–17 (in Russian).

Zhumagaliyeva B. & Barabanova E. (2014) The Culture and Ethnicity Influence on The Manifestation of Human Cognitive Styles. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 159, pp. 765–769.